

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОСА

Э. Г. РАХИМОВА
(Москва)

ПРОБЛЕМА ЦИКЛИЗАЦИИ СЮЖЕТОВ ПРИ ЭДИЦИИ КАЛЕВАЛЬСКИХ РУН, БЫТОВАВШИХ В БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Исследователи, даже придерживаясь диаметрально противоположных мнений относительно соотношения традиционной преемственности и вариативности в эпических песнях, единодушно признают сюжет носителем устойчивости эпической песни [Аникин 1980, 47; Путилов 1966, 231—232; Лорд 1994, 157; ср.: Лорд 1994, 39, 42]. Одним из постулатов устно-формульной теории, которую критикуют за преувеличение роли импровизации при воссоздании эпических песен, является наличие «стабильного каркаса повествования» эпической песни, который воспроизводится от исполнения к исполнению [Harvilahti 1992, 11]. Отмечалось, что склонные к импровизации исполнители «запоминают <...> сюжетную схему по преимуществу» [Астахова 1938, 79—83]. Собиратель при паспортизации зафиксированного материала, а главное, составитель при эдичии научных публикаций относят данную запись к определенной руне (былине и т. п.) в соответствии с ее сюжетом. Рубрикация по сюжетам представляется удобной применительно к тем этническим традициям, в которых сказания невелики по объему. Но осуществима ли такая эдичионная практика последовательно, когда записи запечатлели устное бытование песенного эпоса?

Карело-финская эпическая традиция, будучи зафиксирована с большой полнотой и тщательностью, предоставляет богатый материал для наблюдений над варьированием сюжетного состава традиционного репертуара.

Термин калевальские/калевальской метрики руны (kalevalaiset/kalevalamittaiset runot) сложился в финской фольклористике в XX веке и используется для обозначения старинных карело-финских изустных песен независимо от их жанровой принадлежности. Дефинитивным признаком калевальских рун служит четырехударный размер нерифмованного тонического стиха, скрепленного аллитерацией. Кроме эпических сказаний, баллад и духовных стихов (по-фински *legendarunot*, дословно ‘руны-легенды’) сравнительно компактной длины калевальским размером оформлялись свадебные обрядовые песни (но не причитания) и произведения необрядовой лирики элегического (*huolilaulut* ‘песни печали’) и медитативно-нравоучительного содержания (*sanankasku- ja mieterunot* ‘руны-пословицы и размышления’). Этот же размер присущ старинным заговорам (они произносились напряженным речитативом). Заключение в термине указание на составленную Э. Лённротом из изустных записей эпопею «Калевала» объясняется ее высочайшим статусом сокровища национальной культуры. Изустные руны калевальской метрики записывались и до появления эпопеи, особенно интенсивно — в начале XIX века. Предшественники Э. Лённрота работали в северо-восточных частях Финляндии, наиболее активно — в губернии Северная Похьянмаа. С ней как раз и граничит относившаяся до революции к Архангельской губернии область российской Карелии, которую финские ученые назвали Беломорской

(Vienan Karjala). Первооткрывателем тамшней калевальской традиции стал земский врач З. Топелиус-старший. Увлеченного собирателя фольклора посещали с целью исполнения ему рун за плату карельские коробейники, в их числе Юрки Кеттуни (в финнизированном написании — Кеттунен) из д. Чена зимой 1821 года и батрак Ремсонена Тимони из д. Аконлакша летом 1820 года. Сам Топелиус экспедиций через границу Финляндской автономии не совершал. Впервые лично Беломорскую Карелию посетил филолог А. И. Шёгрен, впоследствии академик Императорской Академии наук, побывавший в нескольких деревнях в 1825 году в ходе пятилетнего экспедиционного обследования всего севера европейской части Российской Империи. Он посетил села Вокнаволок, Ухтуа, Войницу и другие, записывал руны от брата Юрки Кеттунена Петри и первым встретился с выдающимся рунопевцем Онтреем Малиненом из Войницы. Региональная традиция Беломорской Карелии весьма богато представлена в эпопее «Калевала» как в ее первом издании 1835 года, так и во втором, расширенном и дополненном, 1849 года [Калевала 1999]. Из 11 экспедиций Э. Лённрота более половины охватили этот край, и там он обнаружил выдающихся эпических певцов. В 1834 году собиратель встретил в д. Ладвозеро Архиппу Перттунена, а годом раньше в Войнице сделал записи от Онтрея Малинена и от престарелого Вассилы Киелевыйнена. Хотя некоторые из исполненных им вариантов коротки и местами сводятся к прозаическому пересказу, в них наблюдается сильнейшее тяготение к циклизации и воплощению целостных эпических судеб. Оно-то и стало для Лённрота побудительным импульсом для создания сводной фабулы «Калевалы» по образцу величественной гомеровской «Илиады». Все эти обстоятельства позднее придут Беломорской Карелии статус калевальского песенного края (Kalevalan laulumaat). В эпоху национально-культурного возрождения на рубеже XIX—XX веков так озаглавит свои путевые заметки о совместной с языковедом К. Карьялайненом экспедиции 1894 года фотохудожник (и собиратель рун) И. К. Инха — «По калевальскому песен-

ному краю: тропею Элиаса Лённрота по Беломорской Карелии» [Inha 1911].

После выхода в свет первого издания эпопеи ревностная собирательская деятельность самого Лённрота и его коллег была в течение полутора десятка лет направлена на дополнение сквозной фабулы сюжетами и повествовательными подробностями. География экспедиционного обследования расширилась благодаря новооткрытым областям бытования рун. На последнюю треть XIX века пришлось время оценки и изучения и первых подступов к изданию записанного к тому времени изустного материала, в процессе которого, вначале в эпосоведении, сформировался историко-географический метод (maantieteellis-historiallinen menetelmä), который прославил финскую фольклористику в области сказковедения.

Однако при постижении уже обретенного изустного наследия собирательская деятельность не только не сошла на нет, а напротив, интенсифицировалась. Готовясь по заказу Финского литературного общества (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura) к изданию отраженных в «Калевале» вариантов из коллекций Э. Лённрота, Д. Европеуса, А. Альквиста и других, только что окончившие университетский курс магистры А. Борениус и А. Бернер решили дополнить рукописи и сверить их с примерами живого бытования [Hautala 1948, 482]. В 1871 и 1877 годах Борениус предпринял экспедиции по Беломорской Карелии в одиночку, в 1872 году — совместно с будущим выдающимся языковедом А. Генетцем и А. Бернером. Интенсивное собирание калевальских рун осуществлялось и в других регионах их бытования. В последнее десятилетие XIX века к фиксации изустной традиции присоединились местные энтузиасты — карелы в Беломорской Карелии — во главе с Ийво Марттиненом. Кроме профессиональных филологов и нескольких музыковедов в места устного бытования фольклора устремились широкие массы любителей, что получило название карелианизма в финской культуре. Всё это делает оправданным оценку последней трети XIX века как золотого века собирания рун (runonkeruun kultakausi).

В последнее десятилетие XIX века в продолжающейся и сегодня серии изданий Финского литературного общества (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia, далее используется принятое сокращение SKST) были опубликованы как изустные записи рун, так и предварительные наброски будущей «Калевалы» Лённрота, что подытожило многолетние текстологические изыскания под руководством Ю. Крона. К историколингвистическому анализу с наиболее самоотверженной скрупулезностью отнесся А. Борениус (с 1905 года ученый сменил фамилию на финский лад, Лякхенкорва), который с 1871 по 1889 год совершил еще восемь длительных экспедиций и записал более 1600 строк калевальских рун и свыше 900 нотировок мелодий. Стремление прояснить сюжетную принадлежность изустных записей проявилось в сорокастраничной публикации А. Борениусом «тетради» собранных в Беломорской Карелии «составляющих национального эпоса Финляндии, систематизированных по содержанию и местам пения» под заголовком «Цикл “Сампо” в Беломорской губернии» [Kalevalan toisinnot 1895]. Последующие «тетради» так и не удалось издать, тем более что по инициативе К. Крона Финское литературное общество (Suomalaisen kirjallisuuden seura, далее в тексте — ФЛО) в 1900 году приступило к эдиционной подготовке всего объема имевшихся в наличии на тот момент и по-прежнему интенсивно собираемых в экспедициях записей [Kuusi 1997, XXVI].

Итогом этого начинания стало definitivo для финской фольклористики научное издание, состоявшее на момент завершения в 1948 году из 33 книг, а в 1997 году снабженное дополнительным томом, подготовленным академиком М. Кууси и его ученицей С. Тимонен. Это издание, осуществленное в серии SKST начиная с 1908 года, озаглавлено «Старинные руны финского народа» (Suomen kansan vanhat runot). Общепринято сокращение SKVR, которое и будет использоваться в статье¹. Обозначение представленной

¹ При ссылке в статье на вариант из SKVR он будет обозначен номером (а не страницей книги) после указания тома и части, как это принято в финской фольклористике.

в нем традиции как этнически финской условно. Можно было бы определить эти калевальские руны как карело-финские, или как прибалтийско-финские, согласно принятому в российском языкознании обозначению западной группы финно-угорской языковой семьи, т. е. языков, близкородственных финскому. Ведь массив текстов со всей возможной на момент публикации полнотой вобрал в себя и этнические традиции почти исчезнувших ныне народностей ижора и воль, проживавших на территории нынешней Ленинградской области вместе с носителями саволакских диалектов финского языка (этот край называется Ингерманландией или Ингрией (Inkerinmaa, Inkeri)). У вепсов калевальских рун записано не было. Записи на разных диалектах карельского и финского языков, однако, преобладают. Впрочем, в SKVR не оказались представлены эстонские песни калевальского стиля, как и эпическая традиция прибалтийско-финского по языку и православного по конфессиональной принадлежности малого народа Эстонии, сету. Фондовый свод калевальских рун имеет весьма сложную структуру, поскольку включает 14 региональных разделов (можно было бы сказать, томов, если бы многие из них не состояли физически из нескольких книг). Выделенные территории соответствуют исторически сложившимся финским провинциям (Саво — VI раздел, Северная Похьянмаа — XII, финская Южная Карелия — XIII и Северная Карелия и Приладожье — VII; провинции, где калевальская традиция представлена слабо: Хяме — IX, Сатакунта — X, Варсинайс-Суоми — VIII, Уусимаа — XIV) и несколькими компактно заселенным прибалтийско-финским населением регионам северо-запада России, а именно западной (III раздел), средней (IV) и северной и восточной (V) Ингрии, Олонецкой Карелии (II раздел, куда вошли и единичные записи от тверских карел), а также рассматриваемой здесь Беломорской Карелии (I). Принципы территориального разграничения традиций при эдиционной подготовке фондового свода представляются обособленными. В самом их разграничении успешно воплотились методологические установки историко-географиче-

ского метода, подкрепленные тщательными текстологическими штудиями, хотя, конечно, не приходится отрицать идеологическую подоплеку. Охваченные национально-освободительными устремлениями, ученые-гуманитарии Финляндии ревностно разыскивали сокровища «финской национальной древности» в устных традициях народов северо-запада России, близкородственных финнам по языку.

Посвященный Беломорской Карелии раздел «Руны Беломорской (или Архангельской) губернии» [SKVR I, 1908—1921] и стал пилотным для издававшегося в серии SKST четыре десятилетия фондового издания, будучи назван его первой частью (osa I), а составившие раздел четыре книги выходили вплоть до 1921 года. Подготовил его к печати А. Р. Ниemi, профессор Хельсинкского университета, с 1900 по 1909 годы — секретарь ФЛО. Книги были сформированы по жанрам (в какой-то мере и по родам литературы), так что сначала публиковались эпические руны, потом лирика (необрядовая и свадебные обрядовые песни), затем заговоры, причем жанр упоминался в полном названии на титульном листе. Заданный в пилотном издании принцип был выдержан почти во всех региональных разделах, за исключением трех ингерманландских, в которых варианты сгруппированы по собирательским коллекциям. Состав томов раздела по Бе-

ломорской Карелии можно представить в виде таблицы (см. ниже).

Кроме публикации записей заговоров и дополнений по иным жанрам, т. е. вариантов, собранных уже после выхода в свет предшествующих томов, книга [SKVR 4.2] включает снабженное фотопортретами приложение: «Биографические данные о рунопевцах с указателями записей от них: Рунопевцы и знахари Беломорской губернии» (Elämäkerrallisia tietoja laulajista hakemistoinen: Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät), его заглавие также вынесено на титульный лист. В первой же книге [SKVR I.1] публикацию текстов предваряет на стр. XXV—LVI приложение «Рунопевцы», представляющее собой первую попытку систематизировать репертуары исполнителей, чей список сгруппирован по локальным зонам проживания, по записанным от них эпическим сюжетам, фигурирующим в «Калевале» (kalevalan-aineisia), с указанием работавших с ними собирателей и датой фиксации.

По жанровому содержанию большая часть фигурирующих в «Калевале» рун может быть отнесена к героико-мифологическим эпическим песням. Критерий наличия отдельного эпического сюжета в эпопее на практике оказывается несколько шире жанровых рамок, поскольку Э. Лённрот включил в сквозной сюжет обеих редакций и лиро-эпические баллады, строящиеся по модели

Таблица

Номер по серии SKST	Номер тома части 1 SKVR	Полное название тома по-фински и в дословном русском переводе	Варианты по порядковому номеру	Год издания	Количество страниц
1	2	3	4	5	6
121: I.	1	Kalevalan-aineiset kertovaiset runot (Повествовательные руны калевальской тематики)	1—700	1908	924
121: II.	2	Kalevalan-aineisia kertovaisia runoja (Повествовательные руны калевальской тематики...) Muita kertovaisia runoja (Иные повествовательные руны)	701—1027 1028—1272	1908	519
121: III.	3	Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki ym. runot (Лирические, назидательные, медитативные, сатирические, плясовые и т. п. руны)	1273—2106	1919	392
— IV.1	4.1	Loitsuja (Заговоры)	1—822		416
121.IV.2	4.2	Loitsuja: (Заговоры) Lisiä: (Дополнения)	822a—2132 2133—2543	1921	766

«песни с повторениями» (kertauslaulu). Так, карельская версия «Вестей о войне» (Sotasanomati) и баллада «Вести о смерти родных» (Kuolonsanomati) согласно авторскому решению составителя «Калевалы» обогатили эпическую судьбу братоубийцы Куллерво (песнь 36-я окончательной редакции) [Калевала 1998, 416—422]. Как таковая, жанровая принадлежность текстов, образовавших текстуральное единство «Калевалы», вообще не ограничивается повествовательными рунами. В тех ситуациях, где это продиктовано сложившимся у Лённрота авторским видением сквозной фабулы, он свободно включил в текст эпопеи развернутые образцы свадебной обрядовой поэзии, обширные заговоры, нравоучительные пословичьи сентенции, а для иллюстрации душевного состояния персонажей использовал строки из «песен печали». Сверку публикуемых изустных записей с сюжетно-тематическими составляющими фабулы «Калевалы» составители фондового свода всё же ограничили повествовательными рунами.

Что касается структурирования беломорско-карельского раздела [SKVR I, 1—4.2], возможно, было бы правильнее выдержать географический принцип классификации записей также и внутри территориальных разделов, распределив их по локальным зонам. Локальные зоны (runoalueet) и были выделены, но по ним варианты распределили уже после группировки по сюжетам. Это привело к тому, что некоторое количество текстов было напечатано несколько раз под разными номерами. Особенно часто, что мы и продемонстрируем, так происходит в беломорско-карельском разделе. Между тем, карельские руны достаточно длинны (до 300—400 строк) по сравнению с более импровизационной и лиричной женской традицией Ингрии. В тех западных финских регионах, где калевальская традиция к моменту фиксации почти угасла, вообще записано много фрагментов длиной менее 10 строк. Поскольку количество публикуемых в фондовом своде SKVR текстов (если можно так выразиться, единиц хранения) составляет порядка 85 тысяч, вызванную многократной публикацией неточность количественной оценки одних и тех же текстов, не

стоит считать фатальной. Но строгие подсчеты при анализе поэтики она может затруднить.

Как вообще обстоит дело с соблюдением принципа территориальности на уровне выделения локальных зон в карельских разделах SKVR? Нельзя не учитывать, что картографирование бытования диалектов, относящихся к двум близкородственным языкам — карельскому и финскому — пребывало в момент издательской подготовки фондового свода рун на самых ранних этапах. На территории финляндской исторической провинции Северная Карелия и в Приладожье (тогда называемом в Финляндии Приграничной Карелией) распространены как восточные (саво) диалекты финского языка, так и ливвиковские диалекты карельского языка. В целом же карельский язык состоит из трех наречий (или супрадиалектов) [Зайков 1999, 6—13]: двух южных — переходного к вепсскому языку людиковского и олонцкого, или ливвиковского — и собственно карельского, в котором различаются северные и средне-карельские диалекты. Карельский язык распространен на территории нынешней Республики Карелия, в дореволюционное время — Олонцкой губернии и части Архангельской губернии (Кемский уезд). Выделение Олонцкого рунопевческого региона для отбора записей в том [SKVR II] вызывает наибольшие сомнения. Оно было скорректировано при подготовке территориального поиска при создании ФЛО электронного корпуса вариантов по фондовому изданию (с 2000 года) (www.finlit.fi/skvr). Более того, относящиеся к олонцкой традиции и исполнявшиеся на среднекарельских диалектах собственно карельского языка записи из Кимасозерской волости (локальная зона Кимасозера, Kiimasjärven runoalue) оказались опубликованы в беломорско-карельском разделе [SKVR I, 1—4.2]. Мы будем рассматривать их в данной статье, поскольку среди них обнаруживаются ярчайшие примеры контаминаций.

К строго выделяемой беломорско-карельской региональной традиции причисляют руны калевальской метрики, которые бытовали на северных и переходных-средних диалектах собственно карельского супрадиалекта ка-

рельского языка. Ныне эта территория относится к Калевальскому национальному и Лоухскому районам республики Карелия, частично захватывая Беломорский район. В [SKVR I, 1—4.2] почти не представлено записей из локальной зоны Тунгуды (Tunkuo), ныне относящейся к Беломорскому району, поскольку эта местность не была обследована финскими собирателями. Впрочем, записи колыбельных и заговоров из включавшей в себя и Тунгуду Маслозерской волости (Voijärven pitäjä), сделанные Х. Мерилайненом, в разделе опубликованы.

Как традиционный регион Беломорская Карелия (Vienan Karjala) включает волости вокруг следующих сел: Вокнаволок (Vuokkiniemi), Ухтуа (Uhtua), Маслозеро (Voijärvi), Юшкозеро (Jyskujärvi), Панозеро (Paanajärvi), Тихтозеро (Pistojärvi), Подужемье (Usmana), Кереть (Kieretti), Кестеньга (Kiestenki), Ковда (Kouta), Оланга (Oulanka). Локальные зоны, выделенные в фондовом своде, не совпадают с границами волостей, существовавшими в момент записи (за исключением локальной зоны Кимасозера, которое следовало бы отнести к олонецкому региону). Келловараки (Kellovaara) относится к Юшкозерской волости. Юшкозеро охватывает непосредственные окрестности волостного центра и почему-то Панозеро (образовывавшее центр отдельной волости). Аконлакша (Akonlahti) относится к волости Контокки, а вот данный волостной центр включен в локальную зону Костамукши-Кенттиярви (Kostamuksen-Kenttijärven). Ладвозеро (Latvajärvi) относится к приходу Вокнаволока, хотя непосредственные окрестности волостного центра образуют свою локальную зону, причем к ней же отнесены выдающиеся по сохранности и богатству фиксаций рун деревни Чена (Tsena), Суднозеро (Venehjärvi) и Толлорека (Tollonjoki). Войница входит в состав волости с центром в селе Ухтуа (ныне поселок Калевала), ближайшие окрестности которого образуют отдельную локальную зону. Дополнительно выделены локальные зоны северная и северо-восточная приграничная, к последней отнесено с. Хайколя. Локальный репертуар Кестеньги почти не отражен, так как не был зафиксирован к моменту

публикации. В лингвистическом отношении средне-, а не северно-карельские черты имеет язык не только рун, записанных в Кимасозере, но и в Юшкозере или Келловараки.

Всё же территориальный принцип отбора вариантов для публикации в посвященном Беломорской Карелии разделе фондового свода рун позволил представить региональную традицию репрезентативно. Это было достигнуто, в частности, благодаря вниманию к сказительским династиям, существенному в русле программных установок историко-географического метода. Ведь не стоит забывать, что административные границы Кемского уезда, относившегося к Архангельской губернии, частично ограничивали карельское население в перемещениях на постоянное место жительства. Родственные связи сказительских династий обеспечивались по преимуществу переездом женщин в родную деревню мужа (так, Симана Мийхкалинен из Келловараки — племянник Архиппы Перттунена, сын его родной сестры, уроженки Ладвозера).

Имеются основания полагать, что принцип рубрикации по сюжетам рун при эдичии фондового свода диктовался программным для историко-географического метода стремлением реконструировать гипотетическую начальную праредакцию путем сопоставления вариантов между собой, для чего их было удобнее публиковать подряд. Отнесение варианта к определенному сюжету имело особое значение в истории собирательской деятельности, планомерной научной эдичии и последующих аналитических исследований. Представление, будто калевальские эпические руны отличаются закрепленностью традиционного текста и устойчивостью сюжета, оставалось одной из аксиом финской фольклористики вплоть до последней трети XX века. Л. Виртанен отрицала применимость устно-формульной теории А. Б. Лорда «об исполнении как моменте устного созидания» к карельским эпическим рунам потому, что якобы «исследователь может без затруднений определить, к какой именно песне относятся данные строки» [Virtanen 1968, 54—55]. Действительно, в истории финской фольклористической науки, где долгое время господствовал исто-

рико-географический метод, попытки приурочить отдельные эпизоды и даже строки и двустрочия к логически стройным реконструкциям «начальных редакций» занимали исключительно важное место. Инвариант «определенной песни» получал статус чего-то существующего в реальности, научную авторитетность, на деле оставаясь гипотетическим конструктом.

До выработки принципов историко-географического метода концентрация внимания собирателей на выявлении сюжетов в устном бытовании иной раз приводила к неполноте и фрагментарности фиксируемого материала. Почему собиратели из числа ближайших сподвижников Э. Лённрота считали излишним записывать руны на сюжеты, уже представленные в «Калевале»? В эпоху романтизма господствовала теория существования в старину целостных эпических поэм античных масштабов, обретаемых собирателями в виде рассыпанных осколков, чудом сохранившихся в устах того или иного народа. После выхода в свет «Калевалы» укоренилось основанное на этой теории мнение, что Э. Лённроту удалось воссоздать древнюю финскую «Илиаду», что А. Альквист выразил позднее (в 1884 году), сравнив его подвижнический труд с реставрацией «разбитого мозаичного панно» [Kaukonen 1979, 88]. Такие представления во многом предопределили установки и самого Э. Лённрота во время последующих экспедиций после выхода в свет первого издания «Калевалы» и его товарищей и первых последователей Й. Ф. Каяна, М. А. Кастрена и в особенности Д. Европеуса. Вспомним, с каким воодушевлением он призывал включить открытые им в Ингерманландии сюжеты в новое издание «Калевалы», поскольку они «могли бы в ней многое прояснить» [Kaukonen 1979, 147—148]. Д. Европеус намеренно не записывал варианты, которые считал совпадающими с собранными ранее Э. Лённротом [Kaukonen 1979, 144]. М. А. Кастрен отмечал в отчете об экспедиции в Русскую Карелию 1839 года, что в деревне Соткума одна женщина спела ему две свадебных песни, но он не считал их «достойными записывания, поскольку они совпадали с 14-й и 15-й рунами Калевалы» [Niemi 1904, 6].

Лишь с началом золотого века собирательства, по мере того как историко-географическая школа заняла господствующую позицию в фольклористике Финляндии, положение дел с фиксацией рун коренным образом изменилось в лучшую сторону. Теперь собиратели стремились записывать варианты с максимальной текстуальной полнотой, чтобы восполнить во всех подробностях представление об исконной редакции каждой руны.

В целом, даже поверхностное знакомство с локальным репертуаром героико-мифологического эпоса Беломорской Карелии заставляет задуматься о неправомерности суждения относительно некоей сюжетной сверхстабильности. В момент фиксации рун собирателями процесс циклизации, бесспорно, проявился в нем с исключительной силой. Очень многие варианты героико-мифологических рун (если не большая их часть) являются составными, состоят из нескольких сюжетов. Цепочки комбинирующихся фабул и мотивов при этом альтернативны. Это можно видеть на примере отнесенных к региональной традиции вариантов с № 1 по № 700 [SKVR I.1] и № 701 по № 1027 [SKVR I.2], которые определяются издателями как повествовательные руны «тематики Калевалы» (Kalevalan aiheiset kertovaiset runot), т. е. руны на сюжеты, представленные в эпосе.

Неоднородность линейных сочетаний фабульных элементов проявляется в записях, сделанных в золотой век собирательства и в период «карелианизма». Это те записи, которые характеризуются полнотой и текстуальной достоверностью. Если судить по архивным рукописям, публикуемые варианты, исполненные целиком тем или иным сказителем и зафиксированные собирателями, в напечатанном фондовом своде вдруг обрываются после завершения одного из сюжетов, сопровождаясь пометой составителя А. Р. Ниemi. Включающий 20 строк вариант «Посещения Випунена²» (Vipusessa käynti), записан-

² Этот сюжет в эпосе Э. Лённрота представлен в песне семнадцатой [Калевала 1999, 179—193]: Вайнямёйнен отправляется к умершему колдуну-великану за тремя словами, недостающими для постройки лодки с помощью колдовского пения, тот его

ный от Лари Теппинена из Ухтуа, после двустушия

*Pañi paitaṅsa pajaksi,
Puksuṅsa puhut'imekši.*

*Поставил свою рубаху кузницей³,
Свои портки мехами [SKVR I.1, № 423]*

обрывается тройным тире и пометой издателя в квадратных скобках:

[Jatko Kanteleen syntyä, ks. n. 664]

*Продолжение — «Создание кантеле»,
см. № 664.*

Вариант [SKVR I.1, № 664] содержит 55 строк, включая 20 уже опубликованных. Замечателен он поэтичным уподоблением слез слушателей, воодушевленных звучанием гуслей-кантеле, круглым яйцам рябчика. В рукописном виде эта запись А. Борениуса, сделанная 6 июля 1872 года, представляет собой отдельную архивную единицу в хранящейся в Фольклорном архиве ФЛО коллекции этого собирателя (Bogenius II, п. 40).

В публикации вариант «Состязания в пении» (Kilpalaulanta)⁴ [SKVRI.1, № 150], исполненного Мийхкали Сенькканеном из Кимасозера, начинается со строки 159-й, предваряемой дефисами: «*Tuli Joukoñe vastahassi (Вышел Йоуконе навстречу)*».

В конце же варианта, после реплики матери:

*Tuota mie itin ikäni,
puhki polveñi halazin
vävükseni Väinämöistä!*

*Я о том весь век рыдала,
Поколение напролет желала:
Вяйнямёйнена в зятя мне!*

проглатывает, и проглоченный в надежде выбраться из утробы великана устраивает в ней кузницу.

³ Здесь и далее — перевод автора статьи.

⁴ Этот сюжет в эпосе Э. Лённрота представлен в песни третьей [Калевала 1999, 34—47]: сани героев сталкиваются, те состязаются в колдовском пении, старец Вяйнямёйнен одерживает верх над юнцом Йоукахайненом, и чтобы спастись от колдовства, тот обещает победившему заклинателю свою сестру в жены.

дается в квадратных скобках помета А. Р. Ниemi:

[Alkupuoli — Kilpakosintaa ja Sampojaksoa, ks. Kilpakosintaa n. 441]

Начальная половина — Состязание в сватовстве и цикл Сампо, см. Состязание в сватовстве⁵, № 441.

Данный вариант был записан А. Борениусом 12 августа 1872 года, хранится в Фольклорном архиве ФЛО (Bogenius II, п. 142) и составляет 196 строк, завершаясь утешениями матери сыну, опечаленному вынужденным сговором сестры. В фондовом своде он оказался представлен трижды в пределах одной книги. Пятьдесят две строки из него (106—158) были напечатаны еще и под № 20 [SKVR I.1] в качестве варианта цикла «Сампо» (Sampojakso)⁶. Под № 441 [SKVR I.1] этот вариант напечатан целиком. В нем герои обретают и сампо, и девицу на двоих, увозят добычу на корабле; во время плавания Вяйнямёйнен высекает пламя огнемом, сжигая корабль; странствует по морским волнам, выбирается на остров, где встречает на пути Йоуконена⁷, с которым вступает в состязание в колдовстве.

Еще более причудлива контаминация, сложившаяся (как можно судить по ее исполнению 12 августа 1872 года, записанному А. Борениусом) у пожилой сказительницы Насто, жены Хуотари Архипейнена из Кимасозера. Запись хранится в Фольклорном архиве ФЛО (Bogenius II, п. 145), а в первой книге фондового свода ее текст протяженностью 377 строк был опубликован в выдержках шестикратно, целиком под

⁵ Сюжет состязания в сватовстве к деве Похьолы, соперничающие за руку которой заклинатель Вяйнямёйнен и кователь Илмаринен выполняют трудные задания будущей тещи, представлен в эпосе в песнях 18—19 [Калевала 1999, 194—221].

⁶ Цикл «Сампо» — все сюжеты, образующие центральный сквозной сюжет эпоса «Калевала», начиная с обстоятельств, вынудивших калевальцев выковать Сампо, т. е. чудесную мельницу нескончаемого изобилия для хозяйки Похьолы, у которой они эту ценность потом похищают и увозят на корабле.

⁷ Здесь мы видим обычное в калевальской устной традиции варьирование имени персонажа, с которым встретимся и далее.

№ 442 [SKVR I.1]. Ее вариант открывается сценой постройки лодки посредством магии, традиционной компликацией которой служит нехватка трех слов для пения заклинания, мотивирующая сюжет «Посещения Туонелы» (Tuonelassa käynti)⁸, который и был напечатан в № 351 [SKVR I.1] в объеме 48 строк. Сюжет постройки лодки не был выделен, вероятно, поскольку в варианте Насто отсутствует знаковая для его традиционного решения, т. е. представленная в значительном количестве вариантов других рунопевцев, сцена поиска подходящего дерева. Поскольку публикация сюжета, служащего завязкой, обрывается раньше, об интересном использовании композиционного приема вариационного повтора-рамки, скрепляющего в единое целое почти пятьдесят строк начальной части варианта, можно судить только по полному тексту, т. е. по № 442 [SKVR I.1]. В нем представлены опорные для типовой сцены постройки лодки формульные строки, вербализующие альтернативные традиционные подробности:

*Se oli vanha Väinämöine
Vesti t'ijolla venehtä,
Luad' i purtta laulannalla
{säkeet 4 — 48 = Tuonelassa käynti}
Vestää t'ijolla venehen,
50 Kivellä on kiikkuteli,
Kallivolla kalkutteli,
Ei kirves kivehe kosket,
Eigä kaza kal' i'voho.
Sai oñ veno valmeheksi.*

*То был старый Вяйнямёине,
Вытесывал [со] званием лодку,
Ладил парусник пением.
{строки 4—48 = посещение Туонелы, ЭР}
Вытесывал [со] званием лодку,
На камне позвякивал,
На скале постукивал.
Не коснулся топор камня,
Ни лезвие — скалы.
Так вот и сготовил лодку.*

⁸ Туонелу, т. е. подземное царство мёртвых, протагонист-ведун посещает обычно в поисках недостающего магического знания, при этом для попадания в иной мир он просит лодку для перевозки у туонельских девиц, а выбирается оттуда через железную сеть, превратившись в змею. В эпопее сюжет представлен в песни 16 [Калевала 1999, 169—178].

Далее представлена сцена поиска гребцов, которая мотивирует обращение к стандартному решению сюжета «Плавание на ладье и создание кантеле» (Laivaretki ja Kanteleen synty)⁹, который был отдельно опубликован [SKVR I.1, № 590] в виде строк 49—107 из той же записи. Интересна такая подробность, как двукратное применение меча против гигантской шуки, в ходе чего меч младшего героя раскаляется натрое, а вот Вяйнямёйнен одерживает победу над морским чудищем. В строках 65—69 представлено стереотипное для рун калевальской метрики метафорическое уподобление отплытия ладьи водоплавающим и другим птицам, строящееся на использовании падежа состояния — эссива:

*Aiom püürimet püretti,
Tel' i'ot tedrenä kukerdi,
Hangat hanhena hatsatti,
Nenä joudu jouttseinina,
Perä koari koarnehina.*

*Опоры весел заскрипели,
Скамейки тетерками токовали,
Уключины гусем гоготали,
Нос кликал лебедем,
Корма граяла вороном.*

Об игре на кантеле, сделанном кователем Илмориненом из костей гигантской шуки, говорится коротко. Начиная со строки 108-й сюжет развивается по стандартной схеме «Состязания в сватовстве», включая построенный на диалоге с тремя повторениями эпизод расспросов Вяйнямёйнена сестрой Илморинена Анни и назначение трудной задачи выковать Сампо. Семантическая макропропозиция кования Сампо здесь выступает в свернутом до мотива виде, сообщение о действиях кователя Илморинена занимает 5 строк, после чего следует сжатый рассказ о похищении, сжатый до двустихия в строках 243—244:

⁹ Хотя сцена плавания на ладье встречается в эпических рунах калевальской метрики как типовая в нескольких рунах, считалось, что она устойчиво сцеплена с сюжетом о создании гуслей-кантеле из костей огромной шуки, на которую ладья героев натолкнулась в море как на мель, как в песни 40-й эпопеи [Калевала 1999, 451—466].

*Siidä neiti otetaha
Da i mellittä otetaha.*

*Потом (оттуда) девицу забирают,
Да и мельницу забирают.*

Дальше следует погоня за похитителями невесты и назначенного в качестве отработки за нее чудесного Сампо. Насто включает в эпизод погони мотив рождения огня, высеченного божеством-громовержцем, «небесным Укко» (эта руна бытовала в качестве зачина обширного эпизированного заклинания от ожога, так называемой «руны рождения» огня (Tulen synty)). В сцене погони стандартно (хотя и не во всех без исключения вариантах) представлен характерный для волшебной сказки мотив создания похитителями чудесной преграды — утеса в море из брошенных осколков камня, крошева зубцов, например, у Фекли сына Йоукхима с хутора Пяакённими в № 18 (строки 150—154) [SKVR I.1]. Стоит заметить, что по свидетельству А. Борениуса, занесенному в собирательский комментарий № 442 [SKVR I.1], Насто переняла свою руну у жительниц с. Аконлакси, будучи вероятно его уроженкой. Однако принцип сцепления сюжетов отвечает именно переходной между беломорско-карельской и олонечкой версиями локальной редакции с. Кимасозера, где она и проживала. Постройка преграды по образцу волшебной сказки может сочетаться с отдельными подробностями этимологического мифа рождения огня, высекаемого Вяйнямёйненом при помощи огнива, именно в кимасозерской локальной редакции сюжета «Похищение Сампо» (Sammon guöstö). У Рийго Хярьккойнена из Нокеуса [SKVR I.1, № 19] это строки 131—145, после чего повествуется о семилетнем блуждании Вяйнямёйнена по морским волнам. После высекания огня в разбираемом варианте Насто [SKVR I.1, № 442 и др.] следует эпизод ранения Вяйнямёйнена стрелой некоего Йоуго (чаще в качестве коварного стрелка в этом сюжете фигурирует узкоглазый лопарь), после чего герой, как это стандартно происходит в завязке цикла Сампо, и блуждает по волнам. Выбравшись на сушу, он выковыряет себе из золота невесту. Перед нами свернутый

до мотива сюжет «Ковка золотой девы» (Kultaneidon taonta), с целью выявления всех вариантов которого в первой книге беломорско-карельского раздела фондового свода строки с 292-й по 327-ю всё той же рукописной фиксации 12 августа 1872 года (Borenius II, n. 145) оказались опубликованы еще и как № 517 [SKVR I.1]. Герой изводит немилую жену насыланием болезни и снова отправляется в путь, теперь уже на саях. После этого следует встреча с молодым Йоугамойненом (уменьшительное имя которого сказительница уже упомянула в качестве недоброжелателя, коварно покушавшегося на жизнь протагониста). Отрезок текста записанного А. Борениусом варианта Насто начиная со строки 328-й по 377-ю реализует сюжет «Состязания в пении» (Kilpalaulanta), который в подобающем разделе и публикуется под № 151 [SKVR I.1]. Насто удалось выстроить увлекательное повествование о странствиях в поисках суженой заклинателя и воина, с третьей попытки обретающего супружеское счастье. Отнесение ее оригинального и динамичного варианта по сюжету к состязанию в сватовстве кажется оправданным по смыслу. Разумеется, рубрикация изустных записей по локальным зонам и сказителям в свою очередь позволила бы избежать перепечаток одного и того же текста, которые в случае шестикратной публикации одного и того же варианта под одной обложкой выглядят почти курьезно. Будь варианты напечатаны по сказителям такими, какими они зафиксированы (а для каждого отдельного варианта установить полный текст можно лишь путем фронтального просмотра всех остальных вариантов, записанных от исполнителя и сверки номера архивной единицы), это позволило бы не подменять анализ варьирования сложившихся в калевальской устной традиции повествовательных составляющих постулированием их устойчивости.

Итак, можно утверждать, что большое значение при изучении сюжетно-композиционного уровня устного бытования эпоса имеет проблема циклизации героико-мифологических рун в составе беломорско-карельского локального репертуара. Возвращаясь к суждению Л. Виртанен, следовало бы

признать, что «установить без затруднений» можно принадлежность большей части (хотя и не всех) «строк» к типовой сцене, из которых сюжеты, действительно, составляются, но не один единственно возможный, а один из возможных альтернативных комбинаций. Одни комбинации представляются более убедительными, чем другие, выглядящие случайными и нелепыми. Однако почти все исполненные рунопевцами для собирателей (по их просьбе) варианты (которые, вероятно, в большинстве случаев запечатлели сложившийся у исполнителя «личный инвариант») чаще оказываются контаминированы.

При анализе существенную роль играет разграничение мотива, простого сюжета (мы бы сказали, фабулы), составного сюжета. Представляются полезными критерии, выработанные в русской филологии, прежде всего компаративистами (в первую очередь создателем «Исторической поэтики», работа над которой была начата с 1897 году, А. Н. Веселовским) и приверженцами «формальной школы». Мотивом называют элементарную, неразложимую тематическую единицу произведения [Томашевский 1996, 182; ср.: Веселовский 1940, 494].

Применительно же к регионально устоявшейся эпической традиции следует, таким образом, говорить об общем фонде повествовательных составляющих, подлежащих альтернативному композиционному объединению, что обеспечивает вариативность сюжетов. Мотив может быть развернут до полноценного сюжета или свернут до второстепенного, но его вербализация всегда строится через типовую сцену. Отдельные фабульные отрезки (развернутые, т. е. образующие текстовые целостности, или свернутые до размеров мотива составного сюжета) ассоциативно сцепляются между собой. Это ярко проявляется именно в совокупности героико-мифологических рун. Ведь, повествуя, например, о ковке и о последующем похищении мельницы изобилия Сампо, сказители, разумеется, имели представление обо всех других событиях мифологического времени. К таковым относятся странствие Вяйнямёйнена по волнам «еловую корягой» после выстреле-

ла из засады коварного лопаря; выковывание чудесной мельницы изобилия; сватовство к деде Похьолы и выполнение трудных задач при сватовстве соперниками-женихами; постройка лодки и ранение колена; поиск трех недостающих для магического деяния слов; плач заброшенной на пристани ушкуйнической ладьи и плавание по морю, повлекшее столкновение с огромной щукой; создание кантеле и сцена музицирования; похищение чудесной мельницы; ковка золотой девы, состязание в пении заклинаний, завершающееся поражением дерзкого юнца. Такое представление было традиционным, общим для рунопевцев, воспринятым от учителей (или просто в процессе слушания того, как исполняются руны).

Продемонстрируем сочетаемость и «потенциал сжатия» ключевых элементов повествования в устной «калевальской» поэзии Беломорской Карелии, какой она предстает в изустных вариантах, записанных при исполнении по просьбе собирателями, а не спонтанно. При этом примечательно наличие альтернативных сочетаний накладывающихся друг на друга героико-мифологических фабульных элементов в репертуаре отдельных сказителей, например, Симаны Мийхкалинена из Келловараки. Одним из поливалентных при контаминации мотивов является коварное покушение «зоркоглазого лопаря» (Lappalainen kyttösilmä) на Вяйнямёйнена. В сознании финского читателя этот мотив связан с шестой песней эпопеи [Калевала 1999, 66—71], где этим «лапландцем» является Йоукахайнен, побежденный перед этим Вяйнямёйненом в состязании в колдовском пении и вынужденный выдать за него свою сестру. Такое сюжетное решение составителя имеет определенные основания в устной традиции Беломорской Карелии. Оно фактически представлено в варианте Симаны Михкалинена, записанном А. Борениусом 15 августа 1872 года (Borenius II, n. 170). Вариант, составляющий 177 строк, был описанным выше способом напечатан в фондовом своде троекратно, целиком [SKVR I.1, № 2] — 177 строк, отнесен к рубрике «Цикл “Сампо”», — и в отрывках [SKVR I.1, № 144] — 67 строк начиная с 1-й, отнесен к рубрике «Состязание

в колдовстве»; [SKVR I.1, № 574 а] — 25 строк с 146-й по 171-ю. Данная запись А. Борениуса примечательна тем, что является повторной, с интервалом в 37 лет, по отношению к записи Э. Лённрота, сделанной 24 апреля 1835 года от молодого Симаны, племянника знаменитого Архиппы Перттунена, спустя приблизительно год после встречи с Архиппой. Последняя по архивному номеру в коллекции «Лённротiana» (Löppgot A II 9, n. 12), также напечатана в фондовом своде дважды: целиком 138 строк [SKVR I.1, № 1] под рубрикой «Цикл “Сампо”»; и фрагмент длиной 46 строк с 53-й по 99-ю, относящийся к созданию гуслей-кантеле [SKVR I.1, № 574]. В записи Э. Лённрота эпизод состязания в колдовстве не представлен.

Вариант Симаны [SKVR I.1, № 2], достоверность и полнота фиксации которого А. Борениусом несомненны, открывается состязанием в колдовских знаниях между старым Вьянямёйненом и молодым Йоукахайненом, столкнувшимися на саях. Как обычно происходит в сюжете «Состязания в колдовстве», побежденный юнец, которого заклинания Вьянямёйнена уже заставили стоять в болоте, вынужден обещать в жены свою сестру, так как противник пренебрег предложенными скакуном и луком-самострелом. Затем победитель вновь отправляется по морю, но уже верхом (как описано в строках 69—75):

*...hebo¹zella hirvi¹zella,
Kalahuvin karva¹zella,
lohet mussam tuodo¹zella.*

*...на лошадке на ужасной,
В рыбу-щуку бывшей мастью,
Формой в черного лосося.*

Далее следует событие, кратко суммирующее эпизод, который можно было бы назвать «Стрельба по Вьянямёйнену (из самострела)». Данный эпизод бывает развернут за счет предостережений лопарю от его мудрой матери, но в варианте Симаны сцена подана конспективно, так что после выстрела герой падает с убитого стрелой коня и семь лет странствует по волнам. Будучи извлечен из воды услышавшей его плач хозяйкой Похьолы (одновременно названной его женой) при помощи выкованных Илмוליном грабель, герой

создает кантеле из плавников рыбы. Обычно сцена выстрела занимает в композиции инициальное положение. Покушением лопаря обычно предвзрется эпизод сотворения мироздания, который в варианте Симаны также опущен, причем внимание рунопевцев часто оказывается сосредоточено на возникновении небесных светил из яиц водоплавающих птиц.

Однако, несмотря на ценность космогонического мифа для исследователей рун, многие сказители, например Архиппа Перттунен из Ладвозера, акцентировали внимание именно на событиях, связанных с мельницей изобилия Сампо. Замечательный по своему художественному совершенству вариант [SKVR I.1, № 54], исполненный Архиппой для Э. Лённрота весной 1834 года, считается классическим образцом цикла Сампо. В тексте упоминается, что Илмаринен (похоже, такое звучание имени «вековечного кователя», рунопевцами именуемого чаще Илмוליном, было творческим усовершенствованием самого Лённрота), которого Вьянямёйнен заманил в Похьолу ковать чудесную мельницу, исполнил это как трудное задание при сватовстве и получает в награду деву Похьолы. Однако состязание в сватовстве выглядит мотивом, второстепенным по отношению к общему ходу повествования. Такую же цепь фабульных составляющих контаминации воспринял от отца и Мийхкали, как можно судить по обоим вариантам, записанным от него А. Борениусом. Повторные записи разделяет 7 лет: вариант по архивному номеру (Borenius I, n. 93) [SKVR I.1, № 58] длиной 294 строки был исполнен 15 октября 1871 года, а вариант по архивному номеру (Borenius III, n. 11) [SKVR I.1, № 58a] длиной 339 строк — спустя 6 лет, 31 августа 1878 года. Мийхкали сохранил и присутствующий в варианте его отца начальный мотив: «узкоглазый лапландец», извечно питавший к Вьянямёйнену ненависть, ранит стрелой «соломенного коня» героя.

Почти те же события представлены и в варианте Симаны Мийхкалинена, альтернативном по отношению к разобранному выше [SKVR I.1, № 2], а именно в варианте по архивному номеру (Borenius II, n. 169), который был

записан 15 августа 1872 года. Данный вариант длиной 297 строк опубликован в первой книге фондового свода трижды: отрывок длиной 18 строк с 239-й по 257-ю [SKVR I.1, № 575] под рубрикой «Плавание на ладье и создание кантеле» (Laivaretki ja kanteleen synty)¹⁰ и дважды целиком под номерами [SKVR I.1, № 2] под рубрикой «Цикл “Сампо”» и [SKVR I.1, № 433] под рубрикой «Состязание в сватовстве». Основным содержанием этой руны Симаны представляется состязание в сватовстве между Вяйнямёйненем и Илмоллиненем. В нем содержатся эпизоды из цикла Сампо (битва за увозимую на ладье чудесную мельницу с хозяйкой Похьоль: строки 258—297) и плавания на ладье, включая ряд художественных уподоблений (строки 239—257), что и позволило напечатать отрывок под рубрикой «Плавание на ладье и создание кантеле», ведь при составлении фондового свода именно описание плавания на ладье считалось образцовой завязкой, необходимой для столкновения с гигантской щукой, из скелета которой сделали гусли-кантеле. Подобно другим вариантам руны «Состязание в сватовстве», Симана начал свой вариант сюжетобразующим эпизодом — диалогом между Вяйнямёйненем и Анни, сестрой Илмоллиненна. Девушка расспрашивает жениха о целях поездки и получает лживые ответы, которые можно понять как иносказательные описания его истинных намерений [Киуру 1993, 26—31]. В варианте [SKVR I.1, № 433] выковывание Сампо является первым из трех трудных заданий будущей тещи, и Вяйнямёйнен легко справляется с ним в дневное время, по ночам навещая свою суженую. Итак, оказалось, что индивидуальный репертуар Симаны Михкалинена, жителя Келловараки и сына уроженки Ладвозера, сестры прославленного Архиппы Перттунена Моарие, включает целых две альтернативные контаминации мотивов, относящихся к общему фабульному фонду героико-мифологических рун.

¹⁰ В окончательной редакции эпоса создание гуслей-кантеле из костей гигантской щуки и вдохновенное музицирование Вяйнямёйненна изображается в песнях 40—41 [Калевала 1999, 451—466]. В рунах Ингрии кантеле может создаваться из костей овечки, подаренной уволенной батрачке.

Как можно видеть по дореволюционным записям рун калевальской метрики, отдельные мотивы эпических песен сцеплялись друг с другом не произвольно, а подчиняясь неким семантическим закономерностям. Активный процесс циклизации часто приводил к глубоким, убедительно отразившим оценку носителей традиции сюжетным решениям. Эпические песни, исполненные для записи, а тем более в аутентичной ситуации пения, например, при плавании на лодке во время рыбалки, отличались смысловой завершенностью фабул, хотя исследователь может выявить составную природу повествования. Можно допустить, что беспорядочность в процессе контаминации возникает по мере угасания песенно-эпической традиции. В таких случаях записанный текст производит впечатление путаного, внутренне противоречивого, полузабытого. Но как раз касательно нелогичных на первый взгляд и нестандартных для устоявшейся традиции комбинаций типовых сцен было замечено, что в таких случаях они соединяются за счет своего рода «глубинного натяжения». «Привычные ассоциации скрыты, но они ощущаются. Они коренятся в недрах традиции и под действием происходящих в ней процессов неизбежно выходят на поверхность. <...> Без них читатель эпоса никогда не сможет почувствовать те отголоски прошлого, которые придают эпической традиции глубину и богатство звучания» [Лорд 1994, 113].

Более того, может показаться, что неизменно отдельный сюжет каждого фольклорного произведения вообще представляет собой конструкт, существующий в сознании исследователей фольклора. Устойчивость сюжетного состава того или иного локального эпического репертуара несколько не означает, что все исполненные варианты сводимы каждый к единичному завершенному сюжету. При живом песенном бытовании эпоса исключительно важную роль играют процессы контаминации и циклизации. В. М. Жирмунский считал циклизацию типологически присущей эпосам самых разных народов Евразии, в том числе русским былинам [Жирмунский 1962, 36—43].

Если рассматривать локальный эпический репертуар в совокупности,

Литература

- Аникин 1980 — Аникин В. П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.
- Астахова 1938 — Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян. // Былины Севера. Том 1. Мезень и Печора / записи, вступ. статья и комментарии А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. С. 7—105.
- Веселовский 1940 — Веселовский А. Н. Историческая поэтика / ред., вступ. статья и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1940.

Жирмунский 1962 — Жирмунский В. М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.

Зайков 1999 — Зайков П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999.

Калевала 1999 — Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / пер. с финского Э. С. Киуру, А. И. Мишин. Петрозаводск, 1999. (Двуязычное издание.)

Киуру 1993 — Киуру Э. С. Тема добычания жены в эпических рунах (К семантике поэтических образов). Петрозаводск, 1993.

Лорд 1994 — Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М., 1994.

Путилов 1966 — Путилов Б. Н. Искусство былинного певца. Из текстологических наблюдений над былинами // Принципы текстологического изучения фольклора / отв. ред. Б. Н. Путилов. М., 1966. С. 220—259.

Томашевский 1996 — Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.

Harvilahti 1992 — Harvilahti, Lauri. Kertovan runon keinot: inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta / Lauri Harvilahti. Helsinki, 1992.

Hautala 1948 — Hautala Jouko. Suomen kansan vanhojen runojen julkaisutyön vaiheita // Suomen kansan vanhat runot XIV: Uudenmaan runot: toisinnot 1—2856 / julkaissut Väinö Salminen. SKST 151. Helsinki, 1948. S. 474—504.

Inha 1911 — Inha, Into Konrad. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. Helsinki, 1911.

Kalevala 1999 — KALEVALA taikka vanhoja Karjalan runoja Suomen kansan muinoisista ajoista. 1835 julkaistun Kalevalan laitoksen uusi painos. {Toim. Lauri Honko}. Pieksämäki, 1999.

Kalevalan toisinnot 1895 — Kalevalan toisinnot — Suomen kansallis-epoksen ainekset järjestettyinä sisällyksen ja laulupaikkojen mukaan. Osa: [1. sarja] : Vienan läänin runot. 1. vihko, Vienan läänin Sampojakso / julkaissut Axel Borenus. Helsinki: SKST 70.1.1., 1895.

Kaukonen 1979 — Kaukonen Väinö. Lönnrot ja Kalevala. SKST 349. Pieksämäki, 1978.

Kuusi 1997 — Kuusi Matti. Alkusanat / Suomen kansan vanhat runot XV. Runoja Henrik Florinuksen, Kristfrid Gananderin, Elias Lönnrotin ja Volmari Porkan kokoelmista. Toimittaneet Matti Kuusi ja Senni Timonen. SKST 685. Jyväskylä, 1997.

Niemi 1904 — Runonkerääjimmme matkakertomuksia 1830-luvulta 1880-luvulle / julkaissut A. R. Niemi. SKST 109. Helsinki, 1904.

SKVR I 1908—1921 — Suomen kansan vanhat runot. T. 1: Vienan läänin runot / julkaissut A. R. Niemi. SKST 121. Helsinki, 1908—1921. Kн. 1—4.

Virtanen 1968 — Virtanen Leea. Kalevalainen laulutapa Karjalassa. Suomi 113: 1. Helsinki, 1968.